

ЦЕННОСТИ И ЦЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.А. Попов

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК: ГРАНИ ОБЪЕКТИВАЦИИ МИРА В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

***Аннотация:** в статье осмысливается необходимость обучения социологии, которая влияет на формирование особого типа мировоззрения и мышления — социального. Акцент сделан на характере развития современного социологического знания, противоречия в котором сказываются на социальных оценках окружающей реальности. В то же время грани объективации мира обнаруживаются во взаимодействии социологической науки и человека — исследователя, ученого, педагога. Каждая из этих ипостасей раскрывает ценностно-смысловые аспекты бытования человека. В статье этим аспектам уделяется особое внимание.*

***Ключевые слова:** педагогика, социология, образование, человек, рефлексия, культура, ценности, объективация, наука, воспитание.*

Гуманитарная наука сегодня для государственных институтов — дело почти проигрышное. По инерции продолжают готовить социологов, психологов, искусствоведов и других гуманитариев, но в этом ощущается какая-то покинутость, оставленность — ведь эти подготовленные специалисты вроде как нигде не смогут напрямую приложить полученные знания.

Приобщение к профессии гуманитария вряд ли сегодня можно назвать выгодным прежде всего с экономической точки зрения — как известно, государственная политика в сфере высшего образования ставку делает на развитие естественнонаучной подготовки специалистов. Сам этот факт довольно примечателен, поскольку создает и без того не очень популярным среди населения профессиям репутацию ненужных, неактуальных, незначительных. Очевидно, что у нас в структурах организаций и учреждений различных форм хозяйствования, действительно, практически не существует ставок политологов, социологов, конфликтологов и т.д. Задается логичный вопрос: а где такой специалист найдет себе рабочее место, как он будет выполнять те профессиональные задачи, которые его учили решать в стенах высших учебных заведений? Связь выбора будущей профессии с местом возможной работы для

выпускника школы очевидна и первостепенна, именно она зачастую рассматривается в качестве основной в ситуации поступления абитуриента в вуз. Ни у кого не вызывает сомнений важность постановки такого вопроса, однако необходимо признать и другое — сохранение не только престижа гуманитарного образования, но и возвращение к актуализации его ценности для развития современного человека может способствовать развитию государства никак не менее, чем прирост инженеров, физиков и программистов.

В ряду проблем дальнейшего развития гуманитарного образования, как нам кажется, особое место предназначается образованию социологическому. Учиться социологии — значит очень многое! Дело здесь не в прогрессе общественных устоев, не в испытании на прочность различных идеологий и проверке временем определенных ценностных систем и установок — скорее всего, и не только в этом. Учиться социологии — это своя особенная мера и ценность, потому что социология — это уже не наука или не просто наука, это мудрость современного человека. Здесь приходит на ум извечная дискуссия относительно того, является ли собой философия науку или нет, — некоторые склонны полагать, что философия — это мир и место человека в этом мире. Очевидно, подобная же «вольность» имеет место

быть в отношении социологии тоже. Известные стратегии выстраивания профессиональных карьер в случае с социологией не всегда уместны или же не всегда последовательны. «Представления о профессиональной карьере, — по мысли И.П. Поповой, — были четко связаны с периодами социализации, проходящими в основном по принятому в обществе сценарию: поступление в школу, получение образования (поощряемым престижным сценарием было завершение полного среднего образования и поступление в вуз), распределение на работу после окончания высшего учебного заведения и последовательное продвижение по квалификационно-должностным позициям по выбранной специальности»¹. Если проводить аналогию с обучением социологии, то она лишь отчасти соотносима с приведенной стратегией — действительно, «престиж» социологии всегда был под вопросом хотя бы потому, что многие не понимали смысла слова и профессионального «содержимого» социологии; с другой стороны, часто именно это обстоятельство заметно прибавляло очков социологии как вузовской специальности (здесь, по-видимому, срабатывал принцип: «раз не знаю, значит, это может быть интересным и привлекательным, здесь можно развернуться полету фантазии» или «это просто нужно узнать, что это собой представляет»). Этот факт весьма примечателен: из года в год мы на социологическом факультете объясняем сначала абитуриентам, а затем и студентам первокурсникам, что такое социология. Именно *социология как наука*; важно закрепить в их сознании, что социология — наука — это особый ракурс оценок окружающей реальности, это особая система измерения и т.д. Уже не всегда мы можем ограничиться, как раньше бывало, трюизмом: социология есть наука об обществе. Как известно, это и горькая правда (общество слишком разное, слишком не поддающееся человеку, противопоставленное ему — в этом труд его познать, применяя научный метод), и некое сомнение — так ли это на самом деле? О том, что такое социология — говорить можно долго, и студенты с интересом наблюдают, как мы явно признаем в социологии царицу наук, ведь для нас, социологов, она и есть царица наук, в этом, пожалуй, редко кто усомниться. Уже потом,

¹ Попова И.П. «Поворотные пункты» в биографии и профессиональные карьеры специалистов // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 85.

когда речь заходит о социологии как специальности возникают дополнительные коннотации. Объем предлагаемого для изучения материала почти всегда «отправляет» мысли о социологии как таковой на второй план: место социологии тогда занимают математика, теория вероятностей, экономика, правоведение и другие учебные дисциплины.

Учиться социологии нужно! Некоторые исследователи как будто специально оговаривают возможность социологии проникать за границы привычных вещей и устанавливать связи с важнейшими онтологическими ипостасями, в качестве одной из которых все чаще заявляет о себе власть, проникая во все сферы человеческого коллективного и индивидуального бытия, нередко подменяя его сущностные (ценностно-смысловые) ресурсы. Согласно убеждению М.К. Горшкова, «социология должна уметь работать с властью, не ошарашивая ее на каждом шагу своими оценками и выводами, но последовательно и доказательно убеждать в полезности для власти социологического участия в делах государственных (курсив автора цитаты. — Е.П.)»². Кажется, это вполне логичный вывод, если иметь в виду, что в системе координат, практически вытолкнувшей вовне извечный спор по поводу парадигмальных ориентаций социологической науки, направление ее (социологии) дальнейшего развития видится некоторым исследователям в том числе и в неотвратимом сближении социологии и политики, а также социологии и властит — некоем своего рода «социологическом сервиллизме»³. Между тем, как полагает В.А. Кутырев, «сначала боролись с «тяжестью бытия», потом жаловались на его «невыносимую легкость», теперь часть человечества «лелеет» мечту об абсолютной свободе...»⁴. Тяга к абсолютной свободе — не только социальный манифест и руководство к действию, но и утопическая реальность социологического знания. Социология всегда боролась за место под солнцем, отстаивала свои приоритеты и переживала научные коллапсы, но верность ее что называется делу всей жизни — поиску свободы, а возможно, и

² Горшков М.К. Диалог российской социологии с обществом и властью (опыт прошлого, перспективы будущего) // Философские науки. 2011. № 4. С. 24.

³ Там же. С. 21.

⁴ Кутырев В.А. От какого наследства мы не отказываемся // Человек. 2005. № 2. С. 14.

научению свободе — отстаивала всегда с честью. Действительно, сегодня наука оперирует такими противоречивыми — «модельными» категориями, которые, увы, в различных областях знания приживаются чрезвычайно скоро, но от этого наполняют пространство вокруг себя симулякрами, продуцируя все новые и новые слова с непрозрачными смыслами, слова-полунамеки и даже слова-паразиты. Вводится, к примеру, категория *эмпирического концепта личности*, обозначающая «то, что от нее (личности. — Е.П.) осталось после вычета телесности и выпадения из реальных социальных связей»⁵.

Вообще для современного знания отказ от личности — это сродни бунту, принятию совершенно новой системы оценок и мер, но такой системы, которая слабо отрегулирована, крайне разобщена и нужна по большому счету лишь для того, чтобы подчеркнуть некую моду на науку. А есть ли собственно мода на социологию? Кажется для начала, что нет. «Отраслевая социология, пребывающая часто в методологическом разрыве с теоретической социологией, способна всего лишь к статистическому, в лучшем случае, *социографическому* (курсив наш. — Е.П.) описанию отдельных сторон общественной жизни, что неизбежно приводит к искаженному пониманию исследуемой социальной реальности»⁶. Любая отраслевая социология, по-видимому, в наибольшей степени беззащитна перед социологией «большой» и нуждается в ее опеке главным образом из-за распространенной методологической редукции ее исследовательского пространства (не случайно в этой связи не теряет своей актуальности вопрос об отнесенности некоторых отраслевых «социологий» к самостоятельным научным областям, например, поставленный таким образом: «Что изучает социология культуры?»⁷ и т.д.). Возвращаясь к «социографическому описанию» отдельных сторон жизни, можно отметить, что социология не ответила и на ряд других не менее важных, а иногда и первостепенных для нее вопросов-рубикон. Один из таких прозвучал со страниц «Социологических исследований» по меньшей

мере еще в 2003 году — «А нужна ли социологии живая личность?»⁸. Или все же достаточно эмпирического концепта личности?

Между тем вопрос о месте человека в познавательном дискурсе давно перешел в разряд первостепенных, поскольку с очевидностью затрагивает возможности интерпретировать социальную реальность без оглядки на кого-либо, согласуя свою точку зрения лишь с собственным нивелиром. Поэтому неудивительно все чаще встречать на страницах различных изданий суждения о том, например, что для философии характерен «отказ от метафизической идеи человека» и что он «связан, так или иначе, с...открытиями социологии, которая эффективно объясняет мораль и мировоззрение как надстройки над базисными социальными и экономическими институтами...»⁹. Разве не выглядит это как приговор целостности философской методологической установки, во все века постулирующей главенствующую мысль о «метафизике человека»; с другой же стороны, уклон социологии в «объяснительные схемы» любых явлений действительности и категорий, в том числе и онтологических, никак не добавляет ей авторитета, а напротив, ставит в положение декларанта эмпирических концептов личности. В последнее время покушение на идею-фикс социологического знания, в основном сводимую к гармонизации, как нам кажется, трех главных китов «большой» социологии — *теоретического и эмпирического*¹⁰, *национального и наднационального*¹¹, наконец, *гуманитарного и социального*¹² начал — приобрело выраженный политцентристский характер — от диалога социологии и власти и насаждения социологического сервиллизма, как это отмечалось выше, еще более тривиальной выглядит попытка предложить путь коммерциализации и сращения социологии и соб-

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Горшков М.К., Мариносян Х.Э. Социология в осмыслении российской действительности // Философские науки. 2011. № 4. С. 8.

⁷ См.: Попов Е.А. Что изучает социология культуры // Социологические исследования. 2011. № 1.

⁸ См.: Гуцаленко Л.А. Нужна ли социологии жизни живая личность // Социологические исследования. 2003. № 10.

⁹ Марков Б.В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 28.

¹⁰ См., например: Левин Г.Д. Три взгляда на природу теоретического и эмпирического знания // Вопросы философии. 2011. № 2.

¹¹ См.: Титаренко Л.Г. Национальное и наднациональное в социологии // Социологические исследования. 2011. № 1.

¹² См.: Кемеров В.Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1.

ственно социологов с некими хозяйствующими субъектами. Об этом, в частности, размышляет Л.Н. Москвичев: «...социология теперь должна обрести новые формы взаимосвязей с властными и управленческими структурами, с системой образования, хозяйственными и коммерческими структурами, политическими партиями и т.д.»¹³. В этой фразе, по нашему мнению, расхожее сочетание «и т.д.» может привести социологию к де-социологии или по крайней мере к социографии, которая, например, будет призвана доподлинно представить картину девальвации ценностей и крушения национальных устоев отечественной культуры.

Вместе с тем именно социология способна научить человека мыслить социально — так, чтобы избежать уроков социологизаторства, как известно, со времен начала прошлого столетия воспевавших социальный мир превыше иных сфер человеческого бытия. По расписанию этих штудий могли прежде и могут теперь сравнительно легко разделяться теоретическое и эмпирическое, национальное и наднациональное, гуманитарное и социальное в современном знании, чего, разумеется, допустить никак нельзя. Но социология все же оставляет за собой веское слово в гармонизации указанных начал, а не их противопоставлении. Для привития социологии или шире — культуры социального мышления, конечно, необходимо решить ряд важных задач. Так, Ю.Н. Солонин, размышляя о привитии философии, отмечает, что «под видом философского творчества, продвигающего философскую проблематизацию современного человеческого жизненного опыта, мы чаще всего встречаем теоретическую мимикрию, то есть воспроизведение с различными уловками...»¹⁴. Нужно, однако, заметить, что так называемая теоретическая мимикрия вообще свойственна социальному знанию; она расставляет в нем те или иные приоритеты, например, в пользу определенной социальной «конструкции» или «конфигурации», а возможно, и в угоду западной социальной мысли. Как считает Л.Г. Титаренко в этой связи, «не все социологи даже в России, не говоря уже о постсоветском пространстве,

признают высокий уровень теоретических работ современной российской социологии»¹⁵. Мимикрия выхолащивает знание, лишает его творческого потенциала и в значительной степени обедняет — социологи вынуждены равняться на некие стереотипы или шаблоны социальной мысли и поэтому продолжают вращаться вокруг какой-то одной признанной ими планеты — так, по-прежнему, в ходу остается постмодернизм. Однако, как известно, первое десятилетие двадцать первого века ознаменовалось пересмотром существовавших длительное время постмодернистских установок, тем не менее некоторые исследователи неизменно продолжают признавать постмодерн в качестве определяющей теоретико-методологической стратегии социального знания либо рассматривают через его призму важнейшие социальные процессы, вплоть до природы человеческого мышления¹⁶. Общеизвестно, что постмодерн и сам представлял собой тотальную мимикрию различных ипостасей бытия под отвлеченные образцы. На этом фоне примечательным выглядит идея, согласно которой «в XX столетии общественное знание шло от тезиса «Люди не ведают, что творят» к утверждению «Люди знают, что делают, когда создают свой социальный мир *здесь и сейчас*» (курсив автора цитаты. — Е.П.)»¹⁷. С другой стороны, неразрешимым сегодня кажется вопрос о методологическом идеале социального знания — с утратой постмодернистского доминирования явно обесцененными выглядят традиционные рубежи социологии, и *да!* — люди, действительно, создают свой социальный мир, но по лекалам эмпиризма: значимо то, что имеет прикладной характер или то, что развивается по социальным законам. «Когда же речь заходит, — по мнению В.Е. Кемерова, — о влиянии общественных наук друг на друга, — тут возникает тема существенных различий: цена вопроса — научный, институциональный, методологический суверенитет, которым никто

¹³ Москвичев Л.Н. Этапы институционализации российской социологии // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 9.

¹⁴ Солонин Ю.Н. Привитие философии (Философские факультеты и философская культура) // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 10.

¹⁵ Титаренко Л.Г. Национальное и наднациональное в социологии // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 26.

¹⁶ См., например: Минюшев Ф.И. Социальное отчуждение. Опыт нового прочтения // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 7.

¹⁷ Кемеров В.Е. Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Российского философского общества. 2005. № 3. С. 31.

поступаться не хочет»¹⁸. Между тем из-за неочевидности вектора развития социологии в XXI столетии именно поиск и «разгадывание» сакральных смыслов мира или философствование остаются едва ли не единственным «критерием» социального мышления. От идей символического интеракционизма и социологии символов поступает импульс исследовательских исканий — это небольшая возможность сближения двух важных полюсов жизненного пространства человека — символического мира, в котором пребывает каждый из нас, и зоны интерпретаций различных символов. Для любого социолога эта интерпретация, безусловно, согласуется с его научным кредо, соответствующим установкам той или иной парадигмы или частной теории.

Социально мыслить — это, таким образом, способность расшифровывать символы вокруг человека. Чтобы избежать догматизации ут-

верждений¹⁹, социологу приходится оперировать такими категориями, которые точно будут отражать смысл социальных кодов, делать их содержание конвенциональным. И если, например, седьмая статья российской конституции 1993 года говорит о том, что смысл социального государства — это прежде всего обеспечение достойной жизни и свободного развития человека, то для любого человека самыми загадочными оказываются словосочетания «достойная жизнь» и «свободное развитие». На языке социологии они соотносимы с эмпирическими концептами социального благополучия, доступности образования, медицинского обслуживания и т.д. Но социально мыслить — значит, уловить более деликатную связь достойной жизни с утверждением принципов человечности в обществе, а свободного развития человека — с гарантией сохранения его высшей ценности для государства.

Список литературы:

1. Горшков М.К. Диалог российской социологии с обществом и властью (опыт прошлого, перспективы будущего) // Философские науки. 2011. № 4.
2. Горшков М.К., Мариносян Х.Э. Социология в осмыслении российской действительности // Философские науки. 2011. № 4.
3. Гуцаленко Л.А. Нужна ли социологии жизни живая личность // Социологические исследования. 2003. № 10.
4. Кемеров В.Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1.
5. Кемеров В.Е. Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Российского философского общества. 2005. № 3.
6. Кутырев В.А. От какого наследства мы не отказываемся // Человек. 2005. № 2.
7. Марков Б.В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 2.
8. Минюшев Ф.И. Социальное отчуждение. Опыт нового прочтения // Социологические исследования. 2011. № 4.
9. Москвичев Л.Н. Этапы институционализации российской социологии // Социологические исследования. 2006. № 7.
10. Ондрейкович П. Интерпретация и объяснение в исследованиях социологов / Пер. со словац. Н. Киселевой // Социологические исследования. 2008. № 12.
11. Попов Е.А. Что изучает социология культуры // Социологические исследования. 2011. № 1.
12. Попова И.П. «Поворотные пункты» в биографии и профессиональные карьеры специалистов // Социологические исследования. 2011. № 4.
13. Солонин Ю.Н. Привитие философии (Философские факультеты и философская культура) // Вопросы философии. 2011. № 2.
14. Титаренко Л.Г. Национальное и наднациональное в социологии // Социологические исследования. 2011. № 1.

¹⁸ Кемеров В.Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1. С. 5.

¹⁹ См.: Ондрейкович П. Интерпретация и объяснение в исследованиях социологов / Пер. со словац. Н. Киселевой // Социологические исследования. 2008. № 12.

References (transliteration):

1. Gorshkov M.K. Dialog rossiyskoy sotsiologii s obshchestvom i vlast'yu (opyt proshlogo, perspektivy budushchego) // Filosofskie nauki. 2011. № 4.
2. Gorshkov M.K., Marinosyan Kh.E. Sotsiologiya v osmyslenii rossiyskoy deystvitel'nosti // Filosofskie nauki. 2011. № 4.
3. Gutsalenko L.A. Nuzhna li sotsiologii zhizni zhivaya lichnost' // Sotsiol. issledovaniya. 2003. № 10.
4. Kemerov V.E. Gumanitarnoe i sotsial'noe: ot oppozitsii k sintezu // Chelovek. 2011. № 1.
5. Kemerov V.E. Menyayushchayasya rol' sotsial'noy filosofii i tsivilizatsionnye proekty // Vestnik Ros. filos. obshchestva. 2005. № 3.
6. Kutyrev V.A. Ot kakogo nasledstva my ne otkazyvaemsa // Chelovek. 2005. № 2.
7. Markov B.V. Obraz cheloveka v postantropologicheskuyu epokhu // Voprosy filosofii. 2011. № 2.
8. Minyushev F.I. Sotsial'noe otchuzhdenie. Opyt novogo prochteniya // Sotsiol. issledovaniya. 2011. № 4.
9. Moskvichev L.N. Etapy institutsionalizatsii rossiyskoy sotsiologii // Sotsiol. issledovaniya. 2006. № 7.
10. Ondreykovich P. Interpretatsiya i ob'yasnenie v issledovaniyakh sotsiologov / Per. so slovats. N. Kiselevoy // Sotsiol. issledovaniya. 2008. № 12.
11. Popov E.A. Chto izuchaet sotsiologiya kul'tury // Sotsiol. issledovaniya. 2011. № 1.
12. Popova I.P. «Povorotnye punkty» v biografii i professional'nye kar'ery spetsialistov // Sotsiol. issledovaniya. 2011. № 4.
13. Solonin Yu.N. Privitie filosofii (Filosofskie fakul'tety i filosofskaya kul'tura) // Voprosy filosofii. 2011. № 2.
14. Titarenko L.G. Natsional'noe i nadnatsional'noe v sotsiologii // Sotsiol. issledovaniya. 2011. № 1.